

Александр Козинский

Рагнарек

Истинная история ариев, асов и ванов

Александр Козинский

**Рагнарек. Истинная
история ариев, асов и ванов**

«Издательские решения»

Козинский А. В.

Рагнарек. Истинная история ариев, асов и ванов /
А. В. Козинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850355-9

«Рагнарек» — это повесть-фэнтези из времен далекого прошлого (порядка 10 тыс. лет назад) германцев-асов, славян, литвы и кельтов-ирландцев (ванов), иранцев и индийцев (ариев). Повесть написана на основе исследований мифологии этих народов и их современных языков. События повести происходят после окончания последнего европейского оледенения, когда, вскоре после него многие из племен переселились обратно в Европу.

ISBN 978-5-44-850355-9

© Козинский А. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Йима – вождь народа эрана	6
2. Убийство	13
3. Локи	20
4. Двойная свадьба	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рагнарек

Истинная история ариев, асов и ванов

Александр Владимирович Козинский

© Александр Владимирович Козинский, 2017

ISBN 978-5-4485-0355-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Йима – вождь народа эрана

Великий вождь Йима сидел на устланном шкурами каменном троне посреди пещеры. Его обнаженное тело приятно согревало тепло горевшего в нескольких шагах перед тронном костра, поддерживаемого самым искусным мастером огненного дела из числа его челяди.

Комфорт был необходим: вождь был занят делом, чрезвычайно важным в ту эпоху, когда у людей еще не было письменности. Он аккуратно перебирал в памяти все накопленные им за 50 лет жизни знания.

Только на этих знаниях и ни на чем другом была основана его власть над огромной, по тем временам территорией, на которой обитали тысячи людей. У вождя Йимы не было воинов и чиновников, которые могли бы поддерживать его статус. Повиновение ему подданных по необходимости носило сугубо добровольный характер.

Да собственно, в чем оно заключалось это повиновение? Племена его страны жили сами по себе. У них были собственные племенные вожди, решавшие проблемы своих родичей. Нет, время от времени он все-таки отдавал какие-то приказы. Но единственным реальным наказанием тем, кто их не исполнял, был только его отказ посетить не подчиняющееся племя и оказать ту помощь, в которой оно нуждалось.

Чаще всего его приглашали, когда в племени начинались поварные болезни, а местные знахари ничего не могли с этим сделать. Йима умел лечить, как никто другой в его стране. Он знал сотни видов лекарственных растений и знал, как их применять. Научился этому он много лет назад, когда молодым крепконогим одиноким охотником скитался по стране от племени к племени.

Издревле заведено, что гость – лицо священное. Обходительного и красивого молодого человека повсюду хорошо принимали. Семейное право еще не устоялось, и мужчины без ревности смотрели на то, что некоторые женщины их рода проявляли к пришельцу свой особый интерес. Уже было известно, что близкородственные браки ведут к вырождению – появлению слабых уродливых детей. Однако когда род от рода далече, трудно раздобыть свежий генетический материал. Вот почему у северных малочисленных народов до самого последнего времени хозяин чума или яранги предлагал гостю не только ужин и одеяло на ночь, но еще и свою жену. А порядка 10 тысяч лет назад, когда жил наш герой Йима, так вели себя люди по всей планете.

Но Йима не просто спал со всеми женщинами, желавшими иметь от него детей. Испокон веков именно женщины были главными целительницами людских недугов. Поставив себе в задачу стать могучим знахарем, Йима старался воспользоваться расположением опытных в лекарской ворожбе женщин, чтобы, выведав их секреты, увеличить свои знания. Всего за несколько лет они стали огромны, потому что Йима обладал феноменальной памятью и был неутомим в своем стремлении познавать.

Но самой дорогой услугой, которую ждали от него, было не лечение хворых. Отец научил Йиму тайному умению заманивания диких коров в пропасти-ловушки. Покрыв себя шкурой быка с рогами на голове, зазыватель умел так изобразить из себя вожака стада, что оно устремлялось за ним, очертя голову. В последний момент надо было отбежать в сторону, и сотни хорошо упитанных по осени рогатых туш громоздились на дне ущелья. Оставалось их разделить и отнести мясо к ближайшему горному леднику или в холодную пещеру – и то и другое не было редкостью в стране Йимы. Вот запасы на зиму и готовы.

Немногие умели зазывать стада. Еще меньше было шаманов, которые научились зазывать стада так же искусно, как Йима. Никто не мог вести за собой стадо так далеко, как он. Там, где другому знахарю нужно было ждать удобного момента неделю или две, да и то он

не мог бы справиться без помощи загонщиков, Йима в одиночку справлялся за день. Поздней осенью, перед тем, как горы должен был завалить глубокий снег, а стада быков спуститься вниз в долины и откочевать на юг, молодой зазыватель бежал от племени к племени, успевая обеспечить мясом на зимовку много сотен и даже тысяч людей.

Он двигался так быстро, что не успевал принимать знаки благодарности от тех, кого облагодетельствовал. Но потом в пещеру, в которой он зимовал со своим родом, каждую неделю посещали многочисленные депутации, привозившие ему на салазках не только его законную долю добычи с осенних охот. Везли они еще и богатые дары: хорошее оружие, красивую меховую одежду, украшения для его жен. Вот как его уважали!

Как-то незаметно Йима стал и верховным судьей, решавшим вопросы о распределении мест охоты между племенами. И с каждым годом это было все более актуальным, так как население росло быстрыми темпами, и в стране становилось тесно. Так он и стал править страной. Ибо что такое править? Это заставлять людей соблюдать законы – правила.

Страна, в которой он жил и правил, издревле называлась Эран Веж. Что означало это имя? Возможно, всего лишь – «Южная страна». В иранских языках слово «ир», «оран» означает «теплый», «летний», «южный». Но древние мудрецы утверждали, что название страны имеет значение «убежище». Когда северные страны, в которых люди жили раньше, стали замерзать и покрываться льдом, боги создали Эран Веж для них, чтобы род людской не погиб от холода и голода. Об этом было записано в священной книге иранцев «Авесте». Но до того, как у людей появилась письменность, древние предания передавались устно из поколения в поколение в течение тысяч лет.

Жители Эран Веж называли себя арии или иранцы. «Арии» значило еще и благородные, родовитые – люди, знающие своих отцов, свой род. Знание рода предполагало знание истории, легенд и обычаев своего рода. Тех, кто не хотел знать этих вещей, презирали и называли «расва», что в переводе означало «горе» (ва, вае, вай) «рода» (рас, раса). Именно лучшие из ариев смогли сохранять историю своего народа в течение стольких веков.

Таким арием был наш герой Йима с его феноменальной памятью. Из наставлений старых мудрецов он знал, что первым в Эран Веж пришло его племя. Правда, здесь они поначалу встретили каких-то диких черных людей, но Эран Веж был предназначен богами ариям, поэтому черных прогнали. Только остатки этого народа все еще живут по окраинам Эран Вежа, и арии с ними теперь даже мирно и дружелюбно встречаются, но ведь и потомки волков, извечных врагов человечества, собаки тоже теперь стали друзьями людей.

Арии-иранцы этих черных раньше называли албонги (немые), потому что не понимали их языка. А теперь арии чаще зовут их алвина (изгнанные). Себя черные зовут илама (народ), брагуй или балох.

Следом за иранцами-ариями в Эран Веж пришли ваны, родственник иранцам народ. Арии приняли их дружелюбно как гостей, хотя позднее между ними и ванами случались войны из-за мест охоты. Ваны, как и иранцы, воевали с черными, которых они называют болг.

Позже всех с запада пришел еще один народ – асы, асиры или асуры. Воинственные асы вызвались помогать ариям и ванами в войне с альвина-болг, которых они называли черными альвами. Но потом стали воевать и с белыми людьми и потеснили некоторые арийские племена. Йима ожидал от них в будущем еще больших неприятностей.

Хуже всего в этих обстоятельствах было то, что народ ариев разделился. Те арии, которые жили в центре Эран Вежа (почти все они подчинялись Йиме), продолжали называть себя иран-

цами-эрана, а те, кто жил на восточной окраине Эран Веж стали называть себя инды (живущие на конце или на краю). Инды чаще иранцев встречались с черными балох и даже обменивались с ними девушками-невестами, чего эрана не одобряли.

Не одобряли, видимо, этого и боги. Однажды они наслали на земли черных и индов очень большой потоп. Рассказывают, что как-то с юга пришли огромные мрачные тучи. Они закрыли все небо на много дней. И все это время, не переставая, шел дождь. Со стороны снеговых гор хлынули гигантские потоки, затопившие всю равнину. Погибло много-много людей, переселившихся на эту равнину, ближе к народу черных. Спаслись лишь те инды, которые продолжали по обычаю ариев жить в горах. С тех пор южная страна черных была отделена от Эран Веж большой рекой, которую тоже стали называть Инд (Конец Мира).

Пострадали от потопа и злые асуры, поселившиеся на северной границе Эран Вежа возле реки, которую они называли Хлид или Слид. Арии же называли ее Пани (Вода) или Пяндж (Река-Ворота), потому что, идя вдоль этой реки, можно было через ее ущелья попасть в снежную страну богов Махистан, центром которой является священная гора Меру.

Но асы пострадали не так сильно, как индское племя турсов (горцы, жители ущелий), которые по ущельям забрались слишком далеко в восточные горы, священную обитель богов. Этим они и согрешили, и божественный потоп уничтожил большую часть племени. Вследствие этого турсов часто называли еще и ётуны (пострадавшие) от индийского «ятна» (страдание). А еще прозвище «ётуны» можно было толковать как «угнетенные» или «рабы», потому что турсы – это был второй их тяжкий грех – полностью подчинились асам.

Турсы усердно служили асам [слово «ятна» имеет еще одно значение – «усердные»], давали своих девушек им в наложницы. Многие даже и знатные асы были наполовину турсами. Мать нынешнего вождя-ведуна асов по имени Один была из турсов. Но, несмотря на усердие турсов и родство, асы презирали турсов и часто убивали их. И особенно был известен как убийца турсов сын Одина Тор, который не брезговал убивать даже их женщин – турсен. Наверно, он хотел, чтобы все забыли, что турсеной была его родная бабка.

[Много веков спустя, примерно так же вели себя по отношению к своим рабам-илотам спартанцы. Они тайно убивали самых сильных и смелых илотов (это называлось «криптии»). Чтобы придать таким убийствам вид законности, власти Спарты ежегодно объявляли своим илотам войну.]

Арии-эрана от потопа не пострадали, потому что грешили мало и жили в невысоких горах отведенного им в удел богами Эран Вежа (Иранского нагорья). Вскоре после Потопа в землях индов повсюду стало теплеть. В том числе и в высоких восточных горах Гиндукуш, считавшихся обителью богов, начали таять вечные снега. И горные ледники отступили.

Открывшиеся там альпийские луга покрылись сочной травой, на которую потянуло стада быков и оленей. Ах, эти великолепные луга! Для древних иранцев и индов они составляли весь их мир. Недаром же на индоиранских языках понятие «мир» (свет, вселенная) до сих пор тождественно понятию «луг». На индоиранских языках это звучит как «лака», «лока». Арии-эрана смотрели на эти новые богатые охотничьи угодья с завистью. Но идти туда долго побаивались. Громады Гиндукуша, как и боги, жившие на них, пугали людей.

Только когда Йима утвердил среди эрана свой авторитет верховного вождя, он решился объявить своим подданным, что боги по своей доброте расширяют пределы Эран Вежа, уступают, дарят людям часть своей страны. И он первым сам повел эрана на восток через реки и болота к синевшим вдали вершинам. За этот подвиг люди наградили его почетным прозвищем Мимар – Творец земли. [Позднее, иранцы сложили легенду о жезле Йимы, которым он

в соответствии с волей богов раздвигал по мере надобности пределы страны Эран Веж, чтобы людям и стадам не было тесно].

Сначала иранцы откочевывали в Гиндукуш летом, а потом некоторые племена стали оставаться там и на зимовку. Обычно в горах оставались те племена, которые, имея у себя приглашенных или даже собственных зазывателей стад, успевали перед зимой заготовить очень много мяса. Следом за эрана в восточные горы двинулись инды и ваны.

[Как разделили новые земли инды, эрана и ваны? Если современный читатель взглянет на карту племен и народов Африки или того же Афганистана, то он увидит, что племена там живут хотя и компактными группами, но вперемешку, островами. Каждый племенной остров обычно окружен подобными же островами иных языковых групп. Каждое племя имеет несколько своих «островов». Четких границ между племенами и народностями не существует. То же было в глубокой древности и в стране Эран Веж, то же наблюдалось и на новых лугах Гиндукуша.

К этому надо добавить, что охотничьи племена периодически кочевали со своих старых мест охоты, когда добыча на них оскудевала. Обычно кочевать приходилось на большие расстояния, идя следом за стадами. А стада то поднимались на лето в горы, где их ждали богатые альпийские луга, то уходили на зиму в степи, где снега выпадало мало, и потому там было легче добывать из-под него корм.

Случалось и так, что на место, временно оставленное одним племенем, приходило другое. А когда туда же возвращались из кочевки прежние хозяева, могла вспыхнуть губительная для всех война. Чтобы избежать войн каждое племя, каждый клан племени, откочевывая в другую часть страны, стали особыми знаками метить свои временно покинутые уголья. Теперь каждое племя знало, где чьи охотничьи участки, хотя бы они были и отдалены один от другого на сотни и даже тысячи километров. Такой порядок признавался всеми, потому что исключал случайные столкновения, которые могли бы возникнуть из-за простого незнания. Война могла теперь начаться лишь тогда, когда какое-нибудь племя сознательно зарилось на чужое.].

Так как места на новых лугах было много, инды и ваны без труда нашли себе свободные участки между угольями эрана. Все же индов было больше в южной части страны.

Выше всех в горах на восток от Эран Вежа поселились ваны. Тамошные горные луга были наполнены скотом, а многочисленные пропасти-ловушки были совсем рядом с лугами. Рукой подать было и до ледников, где большое количество мяса можно было хранить даже летом.

Свои новые земли на восточных горах ваны называли Ганд-карв (Коровья Охота), почему соседние инды стали называть их еще и гандкарвами (гандхарвами). Но у индов было для этой страны и собственное название – Паштонистан. Означало оно «Страна стад» от слов «паса», «паша» (стадо) или «Страна ловушек» от слов от слов «пас», «паш» (ловушка).

У ванов все было иначе, чем у иранцев и индов. Оленей, коз и быков в ловушки-пропасти у них заманивали женщины, которых инды именовали апсарами, то есть ловчихами, или стадницами. Движения, которые проделывали апсары, считались божественным танцем, поэтому апсар по-другому называли еще небесными танцовщицами. Ваны называли этих женщин-ловчих феями, теями, тевами или девами (в зависимости от диалекта того или иного ванского племени).

[«Фея» – на языке ирландцев, потомков ванов, очевидно, означает «кровавая» от слова fuil (кровь). А в языке славян, тоже потомков ванов, «дева» изначально означало «дающая» (добычу). Очевидно, девы, зазывательницы стад, приравнивались к богиням. Практически, у всех народов индоевропейской языковой семьи (кроме германцев) фонема типа

«дева» связана с понятием «боги». Литовцы, чей язык меньше прочих европейских изменился за последние 10 тысяч лет, называют богов *dievai*.

Кельтские феи заманивали свои жертвы чаще всего в воду. Индийские апсары тоже были богинями воды, нимфами. Объяснить это легко, если помнить, что на дне каждого ущелья, куда они своим танцем заманивали стада, протекал водный поток.].

Танцевать свои смертоносные для животных танцы апсары предпочитали в лунные ночи (животных в это время было легче обмануть). Поэтому ванская богиня охоты Дзевана или Девана считалась еще и богиней луны. Второе имя этой богини было Рдемис (Кровавый месяц). [Позднее она была известна у древних греков и римлян как Артемида-Диана].

Ваны особенно почитали священное озеро Нер (Ныр, Нуар). Расположенное на большой высоте в горах, оно было так велико, как настоящее море. Вода в нем была темно-синей, почти черной из-за цвета отражавшегося в ней неба, темного даже днем на такой большой высоте, поэтому асы называли озеро «Черной Бездной». Из святого озера вытекало сразу несколько рек. Некоторые ваны даже утверждали, что из него вытекают вообще все реки в мире. Божественного владыку озера ваны называли Нырей, Нерсть или Нерть, а асы звали его Ньёрд. Жену Нертя звали Нерта, а многочисленных дочерей – нерты, нерейты, нерпы, нырявы и нерове [литовское пегове – русалка]. Нерть оплодотворял дождем землю и воду, отчего на земле росла трава, а в водах плодилась рыба. [Отсюда славянское «нерест»].

Бог Нерть считался сыном еще более древнего общего для всех здешних племен бога по имени Тевс (Девс, Зевс, Отец). Святилище Тевса, по мнению ванов, находилось далеко на востоке, дальше, чем даже гора Меру – на горе Вахан в верховьях реки Пяндж, которая в тех местах тоже называлась Вахан (Шумная). Это была земля турсов, и почти все жрецы в святилище были турсами.

Ваны очень почитали Тевса. Их верховным вождем-жрецом мог стать только лишь сын Тевса. Для этого они посылали на гору Вахан самых лучших и самых красивых из своих молодых апсар, чтобы там они зачали для них нового божественного повелителя.

Своего верховного вождя ваны считали воплощением бога Нертя и тоже звали «нерть», но с прибавлением к титулу прилагательного «новый». [В легендах западных кельтов Нерть-Ньёрд звался просто Нуада. С последним именем этого вождя-жреца и живого бога, видимо, связано название его «дворца», указанного в исландской саге «Речи Гриммнира», – Ноатун (Нуад-дун?). *Dun* – на языке гэлов, западных кельтов, означает «замок».].

А вот асы, которые называли Тевса именем Тьяци, не поклонялись ему. Им не нравилось, что жрецами этого бога являются турсы, которых они считали своими рабами.

Арии-эрана называли Тевса Дьяуш и тоже поклонялись ему. Однако они не верили, что Дьяуш живет на горе Вахан. Эта гора была недостаточно высока для столь великого бога. А жрецов Ваханского святилища Йима вообще считал мошенниками, которые под видом бога Тевса подсылают к ванским апсарам для зачатия будущего нертя одного из своих.

Однако он был возмущен, когда асы послали большой военный отряд к святилищу Вахан, убили там верховного жреца Тевса-Тьяци и еще многих других. Из-за этого у ванов и асов была большая война, в которой сначала побеждали ваны. Но потом как-то случилось, что при заключении мира асы добились, чтобы ваны отдали им в качестве заложника своего нертя. Говорят, что он сам на это согласился. Наверно, хотел получить от асов разрешение на возобновление Ваханского святилища. Но просчитался.

Асы не пустили нертя на Вахан. Взамен этого они женили его на дочери главного жреца Тевса, которую они звали Скади (Лыжница). Она тоже считалась дочерью самого Тевса и,

таким образом, теоретически была сестрой нертя по отцу. Если бы нерть знал об этом, то никогда бы на ней не женился, потому что у ванов инцест запрещен. Но асы, у которых брак брата и сестры разрешался, нарочно обманули нертя, чтобы иметь компромат на него перед его народом. Потом, когда нерть узнал об обмане и перестал жить со своей женой-сестрой, он все равно вынужден был подчиняться Одину и молчать.

Молчал он и не делал попыток сбежать даже в тех случаях, когда асы отпускали его на родину в Гандхарву. Один не хотел, чтобы ваны забыли своего нертя. Вождь асов был уверен, что ван теперь полностью в его власти и обязательно вернется.

За тот краткий период, пока нерть не распознал в ней сестру, Скади успела зачать от него и родила близнецов, которых асы называли Фрейр и Фрейя. Один вскоре забрал их у матери и сделал своими приемными детьми. Ко времени начала этой истории они уже выросли. Их воспитывали как асов и держали в большом почете. С помощью них, считавшихся божественными внуками Тевса, вождь асов намеревался сохранить власть над народом ванов, когда умрет их отец нерть.

Скади тоже осталась у асов. Правда, периодически она посещала свой Вахан, но всегда в сопровождении воинов-асиров. Один не хотел, чтобы и на Вахане забыли свою верховную жрицу. Из политических соображений вождь асов также не разрешил ей выйти второй раз замуж после расставания с нертем. Ваны должны были думать, что их нерть и Скади, мать божественных Фрейра и Фрейи, все еще муж и жена.

Скади стала любовницей Бальдра, самого красивого из сынов Одина. Говорят, что она с самого начала требовала его себе в мужа в компенсацию за убийство своего отца. Но асы заставили ее отыскивать желаемого ей жениха среди других не по лицу, а по тому, что находится ниже пояса [«по ногам» – написано в Эдде]. Как они и рассчитывали, женщина ошиблась и выбрала самого могучего из мужчин в лагере асов – заложника нертя. Накрыв ему голову шкурой, его поставили в общий ряд со всеми.

Хитрый Один поощрял связь своего сына с турсеной. Это было полезно не только потому, что через нее можно было управлять ваханскими турсами. Еще, благодаря Скади, Бальдр сделался главой ванского племени буришков-вершиков, живших рядом с Ваханом.

Ваны-буришки жили возле самой горы Меру, которую асы называли Тир-ич – Ясень Тира. Тир (Зверь) был верховным тотемным богом асов, богом охоты и войны. Ясень был тоже священным деревом, из которого делали самые лучшие, без сучков прямые, копья и луки, а также лыжи. Асы, обладавшие развитым поэтическим воображением, называли гору Тирич Мировым Ясенем потому, что вздымающееся к небу тело горы и впрямь было немного похоже на белый ствол гигантского дерева, а облака, постоянно укрывавшие вершину, походили на крону. Была и еще одна причина, отчего асы считали, что в центре мира должно стоять дерево, а не гора. Они были родом из бескрайних лесов – Вальда, простиравшихся на огромных северных равнинах. Поэтому и мир у них назывался Вельт (Вселенная).

Итак, асы поклонялись Мировому Ясеню и его владыке Тиру. Ради этого они устраивали ежегодные паломничества к подножию Тирича. А буришки были обязаны заготавливать ко времени этого паломничества на складах возле мест привалов мороженое мясо и дрова, чтобы его жарить. Приказывал им это делать их иноземный вождь Бальдр. Асы любили путешествовать с комфортом и на сытый желудок.

В честь Бальдра, которого асы часто называли просто Балди (Быстрый), страна возле Тирича-Меру стала называться ими Балдистан. Местные жители, переделали чуждое им название в Балтистан (Страна света). Асы, узнав об этом, стали называть страну Бальдра также еще и Брейдаблик (Широкий блеск). Но местные жители еще до прихода асов называли свой засне-

женный, бело-черный край Березовой Горой (Хара Березайте). Береза издавна была их священным деревом: из ее сучьев они делали свои удивительные висячие мосты.

Йима видел один такой мост, когда ходил на поклонение к горе Парбаты Няньха (Горная Мать) [Ныне Нанга Парбат – Голая гора]. Эта гора была обиталищем Дэви, жены Дьяуша-Тевса. Сам этот бог жил на горе Меру. Буришки называли обе эти горы Диамир (Мир богов). Так как Меру и Тирич были одной и той же горой, впоследствии ее стали называть Тирич-Мир, соединив асиро-германское и индо-ирано-ванское названия.

Летом арии часто посещали преддверия Мира богов и не только затем, чтобы попросить у них помощи, но и поохотиться и добыть себе новое качественное оружие. Шли они туда вдоль священной реки Ра, которую еще часто называли Кунар-Ра (Золотой Поток).

Золотом у ариев назывался очень твердый желтый камень, из которого получались самые лучшие наконечники для стрел и копий. Рядом с этим «золотом» находили еще такое же «серебро» (белый твердый камень), а еще очень красивые прозрачные голубые и зеленые кристаллы, которые жалко было употреблять на оружие. Их вплетали в кожаные ремешки и дарили любимым женщинам, чтобы те носили их на шее. И все это богатство находили в пещерах и трещинах скал возле Золотой реки. [Много тысяч лет спустя, люди назовут все эти камни бериллами, а землю, в которой их находили, Нуристаном – Страной света].

Обо всем этом и еще о многом другом думал и вспоминал великий и мудрый вождь Йима, сидя в одиночестве на своем троне в родовой пещере. Но при всей своей мудрости вождь эранов не обладал еще и даром предвиденья будущего. Иначе в тот день он был бы осторожнее и не уединялся бы от своих родных и слуг.

2. Убийство

Неожиданно тишина пещеры была нарушена шарканьем чьей-то обуви. Кто-то шел по туннелю в сторону Йимы. Вскоре в дальнем конце зала показалась человеческая фигура, и Йима опознал в неверном колеблющемся свете костра своего племянника Локу.

Собственно, о том, что Лока был его племянником, Йима знал лишь со слов самого Локи. Йиме было известно, что его отец Рудра, такой же искусный знахарь, как и он сам, часто бывал в странах индов, турсов и ванов. И везде там у него были жены, от которых он имел детей.

Говорили, что любимым его сыном в стране индов был юнец по имени Шайва. Его имя на диалекте индов означало «Седой», потому что в детстве у него были совершенно белые волосы. Отец Рудра на иранский манер звал его Сафед (Белый), а иногда еще и Сапетюра, что носило у эрана пренебрежительный оттенок. Он обучил Сафеду заманивать быков так же, как и его Йиму. А сверх того еще – надо же – учил лечить болезни (Йиме-то приходилось учиться самому). Со временем этого Шайву стали звать Шифа (Лекарь). И это изменение имени было очень кстати, потому что волосы Шайвы со временем потемнели. Но многие помнили его детскую кличку.

Вот этот Шифа-Сафед и был отцом Локи. Сейчас ему под 40, а Локе – за 20. Говорили, что Шифа, тогда еще Шайва, сошелся с матерью Локи лет в 15. Йима как врач неодобрительно относился к таким ранним бракам. Но что поделаешь, если жизнь человека слишком часто обрывается на охоте или на войне, а то и из-за болезни. И молодые люди умирают, не оставив потомства.

Став знахарем, Шифа-Сафед захотел стать великим вождем среди индов и турсов, таким же, как Йима среди эрана. Поговаривали также, что он хочет заодно перехватить у Йимы власть и над эрана. Ведь сам он тоже был по отцу эрана, хотя племенная принадлежность у ариев считалась по матери.

Но Йима не обращал внимания на эти толки. За власть он не держался. Если Сафед хочет и может, пусть попробует объединить всех ариев. Только нелегкое это дело править такой слишком уж огромной страной тем же манером, каким правит Йима. Сам он за это бы не взялся.

Хуже было другое. Йима подозревал Шифу-Сафеду в том, что тот был соучастником убийства их отца. Что и говорить: характер у Рудры был скверным. Он мог избить или оскорбить, кого угодно. И ему все сходило с рук даже в чужих странах. Так его везде уважали и ценили как знахаря и боялись как любимца богов. В племени же матери Сафед (оно называлось шервы) Рудра вообще чувствовал себя своим и даже считался вождем. Кроме Сафед у него там было еще семь сыновей, от разных женщин, но ими он презрительно помыкал.

Убийцей Рудры называли некоего Индру. Говорили, что Индра тоже был сыном Рудры, но тот его своим не признавал. Мать Индры была, что называется, «свободной женщиной» – адити. В качестве возможного отца Индры называли трех разных мужчин, с которыми эта адити имела сношения. Говорили, что мать Индры хотела вытравить плод и много чего еще. Но Индра все-таки родился здоровым ребенком и вырос в богатыря. А Рудра этого не заметил вовремя. Он насмеялся над Индрой, говорил, что тот ублюдок, а не благородный арий, знающий своего отца. И этими оскорблениями довел того до греха.

Однажды Рудра сидел и жарил мясо. Индра спросил кого-то, где он. Ему сказали, что старик (вриддха), жарит мясо (врит) и поучает молодежь (вритта). Вот только от этого нет пользы (вритха). А Индра выслушал все это, рассмеялся и сказал: «Точно, он – вритра (препятствие)». Верно, именно тогда он задумал убийство, потому что вскоре после того случая он вызвал Рудру на поединок. Говорили, что во время поединка кто-то из шервов сунул в руку Индре нож. Но Йима этому не очень-то верил: Рудра был уже стар, и такому силачу, как Индра

ничего не стоило убить его голыми руками. Хуже всего было то, что никто из сыновей Рудры не помешал убить старика-отца, в том числе и Сафед.

Плохой это обычай – право молодых смутьянов вызывать на бой старых вождей, чтобы самим занять их место. Для вождя ум и жизненный опыт важнее силы, а опыт приходит с годами, да и ум тоже. В тех племенах, где Йима имел авторитет, он всегда требовал, чтоб стариков уважали и слушали. Однако он слышал, что в каких-то дальних странах старых членов семьи убивали или в лучшем случае изгоняли из семей на голодную смерть. Боги, без сомнения, когда-нибудь накажут этих безумцев! Кстати, если Рудра был так несносен, то почему бы шервам просто не прогнать его как чужака?

Всё это вполне успело припомниться Йиме, пока Лока со всеми церемониями выражения почтительности приближался к его трону. С самого того времени, как этот молодой человек появился в пещере своего дяди, он всеми силами старался добиться его расположения. Но сын Рудры не мог забыть, что Лока – сын Сафед и тоже шерва. К тому же Лока, который часто говорил, что прибыл к дяде, чтобы поучиться у него знахарству, не обладал ни способностями, ни желанием трудиться, чтобы обрести знания. А вот честолюбия в нем было предостаточно. По отдельным его словам Йима понял, что Лока мечтает стать великим вождем. Да только что у него есть такого за душой, кроме хитрости, подчас злой, чтобы добиться столь высокого положения?

Хитрый Лока стал ухаживать за Сёккун, дочерью Йимы и, кажется, в этом преуспел. Во всяком случае, когда он попросил у Йимы разрешения жениться на девушке, та не была против. Сакка, мать Сёккун (имена матери и дочери означали на языке эрана примерно Родная и Родненькая), тоже просила за Локу. Эх! А ведь Сакка была известной знахаркой, его главной женой, которая должна была в случае чего заменить Йиму во главе рода! Но она плохо разбиралась в характерах людей.

Зато резко против высказался сам Йима, хотя Сакка и уговаривала его не рушить счастья дочери. Получив обидный отказ, бесстыдный Лока, тем не менее, не покинул пещеру. И вот он стоит перед великим вождем эрана. Зачем он пришел, зачем нарушил священное уединение знахаря?

– Говори! – коротко приказал Йима, по обычаям ариев он первым как старший должен был сказать свое слово.

– Великий вождь! – поклонился Лока, – Сюда скоро придет мой отец Шифа, которого вы эрана зовете Сафед. Я встретил его недалеко от пещеры. И он послал меня к тебе, чтобы предупредить о своем приходе. Он хочет увидеть тебя, своего родича, и говорить с тобой.

– Хорошо, – вежливо сказал Йима, – Пусть заходит. Гостя посылают нам боги. Особенно приятно, когда гостем является родич. Хотя... родичи тоже бывают всякие. Но пригласи его сюда и проводи мимо часовых, которые стерегут вход в пещеру.

Лока ушел, а Йима велел позвать к себе Сакку, чтобы она приготовила для гостя мясо. Вот только готовить он ей приказал в другой зале пещеры и не вносить еду без его приказа. Он хотел сначала поговорить с Сафедом наедине, чтобы выяснить у него подробности смерти своего отца. Лишь после этого он готов был действительно принять его как гостя. И в том была его роковая ошибка.

Примерно через час после ухода Локи, в туннеле пещеры опять послышались шаги. На этот раз шли двое. Один из них был Лока, другой – мужчина могучего телосложения, на голове которого была надета причудливая маска-страшило, какие обычно носили турсы с реки Пяндж.

У маски было четыре личины, каждая из коих имела свое выражение – от добродушной улыбки до дикой ярости. В случае необходимости владельцы маски могли поворачивать ее впе-

ред той стороной, которая соответствовала моменту: дружеской беседе или ссоре, переходящей в боевую схватку. Вань, жившие рядом с турсами, может быть, в шутку, а, может, и всерьез утверждали, что турсы носят такие маски из-за того, что не могут сами изобразить на лице ничего кроме робости и страха. Они очень плохие воины и надеются запугать врагов своими страшными масками. На асов же, которых они особенно боятся, они смотрят через маску, выражающую радость и дружбу, потому что страх, стягивая им мышцы челюстей, мешает им изобразить улыбку на собственном лице.

Судя по фигуре спутника Локи, Йиме было, однако, трудно поверить, что этот человек боится кого-то или чего-то. Властная осанка, уверенный разворот плеч, показывали, что к костру вождя эран приближается другой вождь и, вероятнее всего, великий воин. В руках гостя было и оружие: каменный топор и нож, которые он, без сомнения, пронес под одеждой. Его вид встревожил Йиму, и он на всякий случай протянул руку к своему оружию – к копьё с наконечником из желтого берилла.

– Ага! – вскричал «гость», и голос его из-под маски прозвучал странно-неестественно. – Я так и знал, что ты захочешь меня убить! Ты пригласил меня только лишь для того, чтобы отомстить за этого старого идиота Рудру, нашего отца! Но это я, Спитюра, отомщу тебе, Мимар, за твоё коварство!

Йима хотел сказать, что вовсе не приглашал Сафеда, что он сам пришел и напросился на эту встречу. Но тут в воздухе пещеры зазвучал по-юношески высокий фальцет Локи:

– О! Нет! Не убивай господина Йиму, отец мой Сафед! Он твой брат! Я не дам тебе этого сделать. Лучше убей меня!

– Ах, так! – вскричал человек в маске, – Да, я убью сначала тебя, предательский сын Лока, а затем и его!

Мастеру огня, который стоял шагах в сорока за тронем Йимы с охапкой хвороста в руках, показалось, что воин в маске ударил Локу по голове камнем и тот упал на пол пещеры, как подкошенный. А воин переступил через него и обрушил ужасный удар своего топора на Йиму. Хрустнуло переломленное копьё, раздался сдавленный предсмертный крик, и мастер огня понял, что его господина больше нет в живых. Между тем, убийца, подняв на головой окровавленный топор, бросился теперь уже на него, мастера, единственного, как он думал, свидетеля этого ужасного преступления. И мастер, бросив хворост под ноги набегавшему врагу, метнулся к выходу, чтобы избежать смерти и позвать на помощь.

Он бежал без оглядки и не видел, как человек в маске нагнулся над Локой, неподвижно лежащим на том месте, куда он упал, получив «удар камнем».

– Хочешь, я тебя ударю по-настоящему, Локи? – тихо спросил убийца Йимы. – А то они догадаются, что тебя никто на самом деле не бил.

– Не надо, – прошептал в ответ Лока, не поднимая головы – Лучше проверь-ка старика Яму. Вдруг он еще жив.

– Если Мимир и жив, это ненадолго! – усмехнулся человек в маске. – Я отрублю ему голову.

– Не такой уж я дурак, чтобы позволить тебе меня ударить, рука у тебя слишком тяжелая, – пробормотал Лока, глядя вслед уходящему убийце своего дяди. Потом он взял в руки камень и уже сам нанес себе скользкий удар в голову, содравший кожу и вызвавший довольно сильное кровотечение.

Лока так и лежал без движения на полу пещеры, пока туда не вбежали воины рода Йимы, а следом за ними члены его семьи во главе с Саккой.

– Этот сын убийцы еще жив! – услышал над собой Лока. – Я вижу, как он дышит. Давайте убьем его, чтобы наш господин был отомщен.

– Нет! – раздался властный голос Сакки. – Он не виновен в смерти вождя. Огненный мастер сказал, что он защищал его господина от оружия убийцы и сам пострадал от него.

Сакка опустилась на колени рядом с Локой и начала осторожно ощупывать его голову. Притворявшийся Лока в этот миг ощутил сильнейшее беспокойство: не разгадает ли эта знахарка, что он всего лишь симулирует? Чтобы верней обмануть ее, Лока застонал и чуть приоткрыл глаза.

– Он приходит в себя, – обрадовалась Сакка. – Как ты себя чувствуешь, дорогой?

– Что...? Что с моим отцом? – простонал Лока.

– Он сбежал! – мрачно ответил один из воинов.

– Я назвал отцом не этого подлого убийцу, – возразил Лока слабым голосом, – А великого вождя Йиму, который стал мне вторым отцом.

– Он умер, – ответил ему тот же мрачный голос, – И ты тоже виновен в этом, потому что ты привел сюда его убийцу – твоего кровного отца Спитюру.

– Я отрекаюсь от него! – крепнувшим голосом воскликнул Лока. – Он хотел также убить и меня. Вы видите это сами.

– Да, этот жестокий человек хотел убить и своего сына! – охотно подхватила Сакка. – Посмотрите, наш милый Лока весь в крови. У него распухла голова!

Воинам, смотревшим на Локу, вовсе не казалось, что голова юноши стала больше, чем была. Но спорить с госпожой, к тому же великой знахаркой, никто не решился.

Через два дня Лока покинул пещеру Йимы. Уходя, он поклялся отомстить за смерть своего, как он выразился, тестя и второго отца. Тестем он назвал покойного Йиму потому, что его свадьба с Сёккун была теперь уже решена, хотя и отложена до конца следующего лета. Семья Йимы пребывала в трауре. К тому же в стране ариев было принято жениться осенью. Дети, зачатые в сентябре, родились в мае и поэтому имели больше шансов пережить первые трудные месяцы своей жизни.

Лока, по его словам, намеревался обратиться за помощью к асам, с вождем которых он был очень дружен. Эти великие воины обязательно помогут ему отомстить Спитюре. Лока больше не называл Шифу своим отцом, а из двух его иранских имен всегда выбирал более уничижительное.

Еще через два дня Лока подошел к условленному месту в горах и, не снимая лыж, трижды издал громкий свист.

– Потихше свисти, – услышал он совсем рядом с собой недовольный голос, – а то еще лавину на нас насвищешь.

И впрямь снег с ближайшего обрыва стал осыпаться, но вызвано это было лишь тем, что кто-то прятавшийся в снегу под этим обрывом начал вылезать из своей берлоги. Это был все тот же могучий воин, который убил вождя Йиму. Как видно, ему ничего не стоило несколько дней пролежать в снегу в ожидании своего сообщника. Правда, он был хорошо закутан в оленьи шкуры, а на голове у него все еще была надета страшная маска турсов.

– Неплохая эта штука, – сказал человек, снимая с себя маску, – хорошо согревает голову, не зря турсы везде таскают их с собой.

Человек, снявший маску, лицом был совершенно не похож на темноволосого черноглазого ария-инда, каким был Лока и его отец Шифа. Один глаз у него был ярко синим, а другого не было вовсе. На месте глаза красовался уродливый шрам. Локу всегда коробило от его вида, хотя он старался этого не показывать. Но у одноглазого были светлые волосы. Так что в этом одном отношении он мог бы тоже, как и Шифа, зваться Сафедом. Однако Лока назвал его иначе.

– Здравствуй, Один! – сказал он приветливо на языке асов, протянув одну руку для пожатия, а другой помогая отряхнуть снег со шкур своего товарища, – Надеюсь, ты не очень замерз в ожидании моего появления?

– Нет, со мной был изрядный запас квасира, – весело ответил человек, названный Одином. – Правда, он замерз внутри меха, но я его отогрел своим животом, а потом он грел мой живот изнутри.

– Хорошая вещь, этот квасир! – похвалил Лока, которому уже приходилось пробовать перебродившего мёда. – Говорят, это ты придумал, как его готовить?

– Нет, я хитростью вызнал секрет его приготовления в пещере вана из племени луди, по имени Сутеня или, как мы его звали, Суттунг – похвастался Один, – у его дочери Гани. Ваны эти живут ниже нас по реке Слип на озере Ой-Сива. У них там много пчел. Так вот они звали Ганю Ледышкой из-за ее холодности с мужчинами, а я звал ее на наш манер Гуннлёд. И я сумел растопить эту ледышку, пробуравив дыру в ее пещеру и запустив в туда свою змею.

– Любите же вы, асы, выражаться иносказательно! – изобразил восхищение Лока.

– Это главный прием нашего стихосложения. Мы называем такие иносказания кеннинги (понимания). И понимают эти кеннинги только люди умные и высокого рода, как ты и я. Есть еще у нас цветастые определения предметов или людей, которые мы называем хейти. Например, квасир я назвал «медом поэзии». Потому что заметил, что когда выпью его побольше, сразу становлюсь скальдом, и меня тянет сочинять саги. Вот послушай, какую замечательную я сочинил сагу о себе, пока лежал здесь в снегу и пил «мед поэзии»:

[битая ссылка] Звался я Грим,
звался я Ганглери,
Херьян и Хьяльмбери,
Текк и Триди
Тунд и Уд,
Хар и Хельблинди;
Санн, и Свипуль,
и Саннгеталь тоже,
Бильейг и Бальейг,
Бельверк и Фьельнир,
Хертейт и Хникар,
Гримнир и Грим,
Глапсвинн и Фьельсвинн....

– Мне кажется, что я уже слышал от тебя нечто подобное, – не совсем вежливо прервал друга Лока. – Это ведь имена, под которыми ты ходил шпионить к соседям, с которыми вы асы собирались воевать, или для того чтобы что-нибудь у них украсть. Ты ведь не собираешься тут мне перечислить все эти имена?

– Ну, погоди! Дай хоть закончу! Я придумал новый конец. Вот послушай:

У Сёккмимира я
был Свидур и Свидрир,
старого турса
перехитрил я,
Мидвиднира сына
в схватке сразив.

– Не совсем понял, о чем ты тут пропел, поясни, пожалуйста, – попросил Лока.

– Ну, как же? Сёккмимир это Йима. Вы арии еще по-другому зовете его Мимар, а мы Мимир. Его дочь, твою будущую жену, зовут Сёккун. Мимар ведь означает «творец». Я

и назвал его иносказательно «Сотворивший Сёкк». И заметь, что я назвал его так из уважения к тебе.

– Благодарю тебя за это. А почему ты его турсом обозвал?

– А какая разница? «Турсы» ведь означает «горцы» и притом арийского племени. А Йима тоже в горах жил. А потом, назови я Мимира просто его именем или хотя бы вождем эрана, твои соплеменники могут догадаться, кто его убил.

– Ты предусмотрителен. А что означают имена Свидур и Свидрир?

– Ну, Свидур – это похоже на ваше Спитюра. А по-нашему свидур – редкое слово – это тот, кто связывает веревкой – обездвиживает, так сказать. Я ведь обездвижил Мимира, не так ли?

– Значит, Свидур это ты в образе моего отца?

– Точно! Ну, и голова у тебя, Локи! Ты начинаешь понимать кеннинги! Сразу видно, что ты благородного происхождения.

– А что означает Свидрир?

– Да, примерно, то же, что и Свидур. Я вставил это имя для сохранения ритма и формы. Я ведь до этого везде по паре имен называл.

– Теперь я понял. А кто такой Мидвиднир?

– Это мы так Рудру называли. Он ведь, скверный склочный старикашка, шатался по всему свету. Вот мы и назвали его Мидвиднир от наших слов тæда (приносящий неприятности) и víð (повсюду). Ничего, скоро ты, Локи, будешь хорошо разбираться в искусстве скальдов. Я научу тебя понимать все иносказания – и кеннинги и хейти. Мы с тобой будем неразлучными друзьями. И я не то что квасира, даже простого пива из полевых злаков пить не стану, пока тебе не нальют. Ты не сомневайся. Теперь, когда все думают, что Мимира убил твой отец, быть тебе верховным вождем всех ариев – и индов и эрана. С моей помощью, конечно! Я тебе и турсов отдам. Помнишь, как мы с тобой прикончили Тьяци? А мне и одних ванов хватит. Скоро мы с тобой всем Мидгардом завладеем и будем, как боги.

Все дальнейшее произошло именно так, как планировал хитроумный Один. Сразу же по возвращении в лагерь асов, после убийства Йимы, Один послал своих братьев Вили и Ве с отрядом в страну шервов.

Было холодно, но асы мало боялись мороза. Часто они даже бравировали своей выносливостью, раздеваясь почти догола и идя в таком виде сквозь метель. На лыжах они тоже ходили очень быстро, чем поражали соседние племена, не меньше, чем невосприимчивостью к холоду. Но здесь имело значение, скорее, умение, чем просто физическая сила. Лыжи у асов были длинные и узкие, сделанные из половинок ствола молодого ясеня или ели, расколотых повдоль и подбитых шкурой кабана. На таких лыжах, асы, опираясь на свои дротики, поднимались вдоль склонов хребтов шагом, нисколько не медленнее, чем другие на своих коротких и широких лыжах шли по дну долин. Достигнув же достаточной высоты, лыжники-асы начинали долгое пологое скольжение вниз вдоль склона хребта и тем намного опережали своих конкурентов из соседних племен.

Делая в день до 90 км, асы внезапно появились на леднике, господствующем над долиной, в которой зимовали шервы, и сразу же захватили спрятанный в нем склад мяса этого племени. Оказавшись на грани голода, шервы попытались отбить склад, но это им не удалось. Асы сверху метали в них куски льда. После потери нескольких сильных воинов шервы вынуждены были уйти на юг. Преследуя их по хребту, асы спустились на них в подходящем месте лавину, унесшую жизни многих.

Ходили слухи, что среди погибших были даже Шифа и Индра. Но со временем выяснилось, что оба остались живы. Индра, уже старик, с остатками племени ушел далеко на юг за реку Гильменд. А Шифа с немногими спутниками кочевал по южным отрогам Гиндукуша,

предлагая свои услуги знахаря тамошним племенам индов и ванов. В знак скорби он выкрасил свое горло в серо-синий цвет. На вопрос «почему красит именно горло?» он всегда отвечал, что выпил слишком много змеиного яда. Под змеями он разумел сына Локу и его друга-господина Одина, которого все чаще стали называть Игг (Страшный). Имя Игг было очень похоже на иранское слово «аги» (змея). Асы же в насмешку долго называли своего врага Фарбхаути (Крашеное дыхало). До тех пор, пока он не выкрасил свое лицо их кровью.

Во время захвата мясного склада шервов Вили и Ве убили охранявшего его часового, огромного роста воина, которого за его непобедимость в бою прозвали Амрита (Бессмертный). Амриту убили во сне. Убийство Амриты наряду с убийством Йимы положило начало империи асов. Со временем оба убийства в сознании потомков асов слились в один миф о том, как Один и его братья убили первобытного, всегда (immer) существовавшего, отмеченного на памяти людей (im Merk), ледяного великана Имира и создали из его останков Вселенную. Впрочем, легенда об убийстве Имира, инеистого великана, олицетворявшего ледники, существовала у них и раньше, только убийцей Имира был тогда другой персонаж.

После того как с шервами было покончено, Лока и Один с отрядом начали обходить племена эрана и индов, повсюду рассказывая историю о том, как этот Спитюра Шифа убил своего брата великого Йиму, как Лока защищал дядю и чуть, было, не заплатил за это жизнью, как Один помог ему... и так далее. И везде они требовали признать Локу великим вождем, обещая все те блага, которые племена имели от Йимы. Эти обещания, а также грозный вид воинов асов и слух об их расправе над шервами вынуждали старейшин племен соглашаться. После этого асы требовали от них «подарка» в виде запаса мороженого мяса на дорогу и шли дальше.

Если вместо индов встречались ваны, то Один спрашивал у них подарков во имя их великого вождя Ньёрда, который в настоящее время гостил у асов и ел их мясо. Обычно ваны охотно соглашались поделиться запасами, которых у них тогда было в избытке. Кроме того, их обычай вообще требовал помогать путникам и угощать гостей.

Этот поход, который можно было бы на древнерусский манер назвать полюдьем (сбором дани), проходил гладко до тех пор, пока асы не зашли далеко на юг и не встретили индское племя, которое слышало другую версию событий. С этим племенем пришлось сражаться, но асы сумели одержать победу в битве. Почти всё это немногочисленное племя было истреблено. Оставшихся в живых после резни заставили погрузить на салазки все мясо с их склада и погнали на север к главному лагерю асов на берегах Бактрийских озер. И то сказать, зима уже заканчивалась, и надо было успеть домой до начала весенней распутицы. По дороге большинство пленников умерло, а тех, кто остался жив, асы принесли в жертву своим богам.

Добыча отряда Одина, была доставлена в главный лагерь асов очень кстати. В эту весну у асов слишком рано стал заканчиваться зимний запас пищи, и они уже начинали голодать.

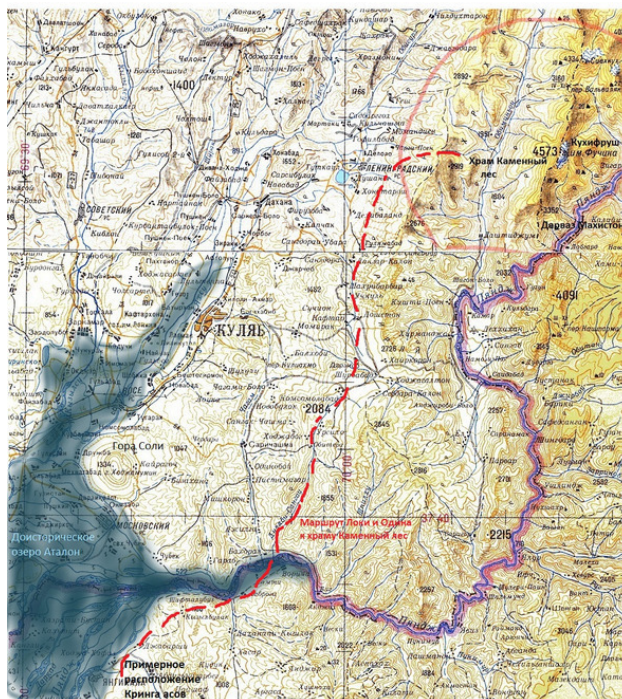
Привезенное мясо и рассказы воинов о своих подвигах вызвали в лагере большой энтузиазм. Решено было на следующую зиму повторить поход сразу несколькими отрядами.

3. Локи

Главный лагерь асов (они называли его Kring) располагался на берегу исчезнувшего ныне огромного озера Аталон, самого верхнего из череды озер, возникших во времена Великого Таяния Льда на реке Пяндж. То, что такое озеро на самом деле существовало, доказывается местными топонимами. Так название города Куляб толкуется из местного языка как «Озерная вода», а название той области, в которой он находится – Хатлон – из исландского языка толкуется как «Озеро, дающее пищу» (ata – еда; lon – озеро).

Карта-иллюстрация к главе 3 повести "Рагнарек"
составлена из кусков топографических карт 500к - j42 - 2 и 500к - j42 - 4

Асы избрали это место для своего проживания по нескольким причинам. Во-первых, в озере водилось множество рыбы. Во-вторых, на его берегах паслись бесчисленные стада диких быков, лошадей, оленей и прочих «мешков с мясом». Эти стада в начале зимы уходили вниз по течению Пянджа, а весной возвращались вдоль реки обратно. Это позволяло асам

в узкой долине устраивать массовый забой животных с началом первых морозов и, таким образом, заготавливать мясо на зиму. В-третьих, на берегу озера на склонах большой горы можно было найти каменную соль. Правда, люди в ту эпоху, питаясь одним мясом, не слишком нуждались в этом продукте. Но для травоядных соль была неотразимой приманкой. В-пятых, к озеру близко подступали высокие горы с ледниками, и это позволяло хранить запас мяса даже летом. (Ледники вообще играли в жизни асов огромную роль; лёд и еда у них зачастую обозначались одной и той же фонемой – *isse*). В-шестых, рядом находился Вход в Страну Великих Богов (Дарваз Махистон). Это было то место, откуда из объятий высоченных гор вытекала река Пяндж, название которой, собственно, тоже означало «Ворота». Асы называли эту реку Слид или Хлид, что тоже в переводе и исландского толковалось как «Вход».

Ранняя весна была самым скучным временем в жизни асов с озера Аталон. Ловить рыбу было еще нельзя из-за льда, который к тому же готов был в любую минуту проломиться или вообще уйти вод воду. Охотиться тоже было не на кого, по большому счету (таскаться по весенней грязи из-за неверной и мелкой добычи никто не хотел). По весне многие хворали от цинги.

Лока лежал один на куче мехов, пытаясь справиться с неприятными ощущениями в желудке. Последние дни его мучил понос. Но бежать вон из пещеры с нагретого места не хотелось. Жаль, что на это противное время он не перебрался на северный берег Пянджа к горам Дарваза. Отсюда было недалеко до урочища Каменный Лес. Там, наверняка, ждала его женщина, которую эрана называли Ангар-Ман (Огненная Мать). Она была ныне главной жрицей в почитаемом многими храме Богини Рождения и Смерти. Кое-кто, правда, называл ее Ангар-Бади (Огневая Блудница). Инды иногда звали ее Роха (Красная). А жившие в горах Дарваза восточно-иранские племена дари звали ее Махи (Великая).

Это была могучая рослая великанша, каких не часто можно было видеть даже среди турсен. Когда Лока познакомился с ней, он только-только вышел из отроческого возраста. Ростом он был почти на голову ниже ее. Чем он мог понравиться Огневой Блуднице? Наверно тем, что был старшим сыном великого Шифы.

За первые годы их знакомства Ангар-Бади родила от Локи двоих детей. Во всяком случае, она уверяла его в этом. И он таки признавал их своими. Уж очень хороши были. Старшей, правда, была девочка. Она была, как ее мать, сильная и высокая, но со светлыми, как у деда Шайвы, волосами. За эти волосы арии звали ее Халка, а асы Хель [И то и другое слово означало Светлая]. Вторым у них родился сын. Турсы за быстроту, силу и гибкость прозвали его Бала – так иносказательно инды называли большую ящерицу варана. Асы звали Балу Ormungand (Змееволк).

[Много веков спустя, скальды переделают имя Ормунганда в Ёрмунганд, которое обычно толкуется как «Великанский Посох». При этом, однако, всеми считается, что этот сын Локи и Ангрбоды был чудовищным морским змеем, который опоясывал всю землю. Но если это так, что в имени этого существа должно было бы присутствовать слово «орм» (змея). В индийской мифологии имеется персонаж по имени Баларама, которого тоже считают аватарой божественного мирового змея Шеша. Так как Шеша и Ёрмунганд по мифологической функции это одно и то же, я и догадался, что индийское имя этого сына Ангрбоды было Бала. Слово *gand* в исландском языке имеет целых три различных значения: посох, волк и конь. Я выбрал значение «волк» и получил толкование имени Ормунганда как «змееволк». О том, что предки скандинавов со времени своего пребывания на Среднем Востоке отождествляли варана с волком (змееволком), говорит один из скандинавских синонимов слова «волк» – *wargen*. Варан очень похож на волка. Такой же серый, быстрый и хищный.]

Вместе со своими двумя Ангар-Бади выкормила еще одного сына Локи. Звали его иногда Карал, иногда Кариша. И то и другое на языке индов означало Зубастик. Говорили, что он так и родился сразу с зубами.

Матерью Зубастика была одна красивая сильная женщина по имени Deuja (Тихая). Так ее звали асы, в лагере которых она жила, за тихий скромный нрав. Дейя была третьей женой дяди Одина, которого звали Tæfa (Лис). Таэфа похитил ее из племени высокогорных ванов-буришков. Позже его заставили заплатить за нее выкуп, и он очень злился по этому поводу, потому что Дейя так и не смогла родить от него. После седьмого выкидыша Таэфа перестал с ней спать. В то время Лока уже жил в лагере асов и тайно сошелся с ней (он тогда вообще со многими там потихоньку грешил). Она от него понесла и родила здорового мальчика. Но Таэфа не захотел признавать его своим и приказал отнести его в лес на съедение волкам. (Так у асов было принято в случае отказа мужа признать новорожденного ребенка жены).

Дейя же договорилась с Локой. Тот забрал ребенка и отнес его к Ангар-Бади. Она в это время кормила грудью Балу, но без всяких возражений приняла под опеку еще и Каришу. А Дейя вскоре умерла. Женщины говорили, что у нее молоко в грудях перегорело.

Кариша рос веселым и сильным пареньком. Ангар-Бади очень любила его и чрезвычайно баловала. Локе не слишком это нравилось, и он планировал когда-нибудь забрать его для дальнейшего мужского воспитания.

Но теперь Локе хотелось самому оказаться возле этой женщины. Там у них в храме на горе в ледяном складе всегда много мяса, которое поступает от разных племен в виде подношений Богине. Несут женщины, которые хотят иметь детей. Несут старики в надежде вернуть себе здоровье еще в этой жизни или хотя бы обрести его после смерти. Несут мужчины, которые хотят восстановить свою мужскую силу. Но больше всего несут другие мужчины – те, что не имеют жен, или их жены им надоели. В храме много красивых жриц. И все они блудницы. Недаром же жены асов переименовали имя главной жрицы в Ангрбода (Та, что приносит горе).

Асиньи считали ее ведьмой. Она и в самом деле была знахаркой. И Лока тоже рассчитывал на ее искусство и влияние, когда мечтал стать великим вождем ариев. Но ей было далеко до Сакки, его будущей тещи.

Женившись на Сёккун, Лока хотел бы подчинить себе и ее мать. Если надо, то он был готов сожительствовать с ними обеими. И шансы на это были велики. Он знал, что нравится Сакке.

Не собирався Лока разрывать и с Ангар-Бади. Помимо того, что великанша была влиятельна, в случае разрыва стоило опасаться в будущем мести ее выросших детей. И здесь Лока мог вспомнить свои отношения с отцом.

Его отец Шифа сошелся с юной красавицей Липой, когда ему было всего 15 лет, то есть в таком же возрасте, в каком Лока сошелся с Ангар-Бади. Мать Липы была ванской апсарой и дала дочери ванское имя в честь красивого дерева со сладко пахнущими цветами. Шервы прозвали Липу Лаббея – Губастенькая. Она и стала матерью Локи и двух младших его братьев.

Отцом Липы-Лаббеи был Дакша, единоутробный брат Индры. Матерью обоих была Адити (Свободная женщина). Индру она родила от Рудры, а Дакшу от одного аса, который потом забрал сына себе. Липа тоже росла среди асов. Мать ее умерла рано, Дакша, которого асы звали просто Даг, был почтительным сыном и иногда посещал свою мать, которая продолжала жить среди шервов. Чтобы порадовать старушку он обычно брал с собой Липу. Именно во время таких посещений девушка и влюбилась в отца Локи. Однако Дакша не давал согласия на брак дочери с сопляком Шайвой, в котором еще не мог угадать будущего великого Шифу, и тогда Липа просто сбежала от него к своему возлюбленному.

Несколько лет Липа-Лаббея была единственной женой Шифы. Но впоследствии тот разбогател и завел себе новых жен. Он перестал оказывать внимание первой жене после того, как она родила слепого мальчика, которого жестокие люди сразу прозвали Хаджати (нищий, беспомощный) или Хаджал (стыд матери и отца). Шифа счел это плохим знаком.

Как-то раз Липа попросила у Шифы разрешения посетить своего отца. В это время лагеря шервов и асов опять стояли недалеко друг от друга, было лето, и Шифа разрешил не только пойти ей самой, но и взять с собой всех своих детей.

Каково же было разочарование Липы, когда родной отец принял ее приход насмешками и оскорблениями. Насмехался он и над ее легкомысленной матерью апсарой, и над ее слепым ребенком, и над тем, что муж фактически бросил ее. И этого Липа не выдержала. Попросив вождя асов – им тогда был Борр, отец Одина, – позаботиться о ее детях она в горе и отчаянии бросилась в костер и умерла.

Так Лока и его братья оказались среди асов. Шифа не торопился забрать их обратно. Он был тогда очень занят. К тому же Борр через гонца заверил его, что будет заботиться о них, как о собственных детях. Именно тогда Лока сдружился с Одином, хотя тот был лет на 10 старше.

Один также потом усыновил слепого брата Локи. Тот не хотел возвращаться к шервам и к своему родному отцу. У асов Хаджала звали Нёд (Головач). Один позаботился также, чтобы, несмотря на слепоту Хёд, стал мастером-оружейником. За искусство придавать камням нужную форму (hella) Хёд получил почетное имя – Хеллаблинди (Каменный Слепец).

Позже в одной из своих саг Один поучал:

«Хворый судьбой не совсем обездолен: Этот счастлив сынами, этот близкой родней.
Может безрукий в ловушки стада загонять, а безногий поддерживать пламя костра,
Сражаться может глухой. Даже слепец до сожженья полезен – Что толку от трупа!»

Лока тогда возненавидел отца. Он считал его виновником смерти своей матери. Он хотел, чтобы его усыновил Борр, чтобы стать братом Одиному. Но вождь асов ему отсоветовал. Предложил примириться с отцом, а в дальнейшем найти способ перенять у него власть. Лока возразил тогда, что не желает становиться лекарем, а хочет быть воином.

– Почему нет? – ответил ему Борр. – Давно пора сделать так, чтобы и у ариев, как у асов, вождями становились великие воины, а не знахари. Грядет новая эпоха, и надо идти с ней в ногу. Сколько есть на свете земель и племен! И все это можно завоевать и подчинить так же, как асы подчинили себе турсов.

Лока хорошо запомнил слова старого вождя. Для захвата власти нужны крепкие друзья и родичи. И, прежде всего, надо, чтобы за тобой пошли твои младшие братья и сыновья. Вот почему Лока всегда находил время и для посещения братьев, и для посещения сыновей, старался дарить им что-нибудь. Как говорил Один:

«Если дружбу ведешь и в друге уверен и добра ждешь от друга, открывай ему мысли, дары приноси, навещай его чаще.

Оружье друзьям, мясо, шкуры дари – то тешит их взоры; друзей одаряя, ты дружбу крепишь, коль судьба благосклонна.

Добра не жалея нажитого, не скорби о потере; что другу обещано, недруг возьмет – выйдет хуже, чем думалось.

Подарок большой не всегда и нужен, он может быть малым:

В голод полрыбки, в жару мех неполный воды друзей мне добыли.

Если ж добычу богатую взял ты с друзьями, подели ее честно;

Трижды больше возьмешь ты с дружиной верной в походе новом.

Братьев веди за собою в набег и сынов, приучая их к бою,

Если вас сломят враги, то тебя лишь они не оставят.

Сын – это счастье, хотя бы на свете отца не застал он;

Не будет и камня на память о славе отца, коль сын не поставит.

Гибнут друзья, родня умирает, и смертен ты сам;

Но в сыне живет громкая слава отца подвигов воинских».

К отцу Лока вернулся как-то неожиданно для себя. Началось дело с обиды. Раз проходил мимо костра, возле которого веселились молодые асы. И вдруг услышал, как они распевают насмешливую сагу, в которой описывалось, как умерла его мать Липа-Лаббея. При этом ее называли то Лаувейя (Laufey – «Остров листьев» – кеннинг слова «дерево»), то Нналл (Полено). Когда же они, заметив Локу, нарочно громко хором пропели: «Она сгорела, как полено», он не выдержал и бросился на них с руганью и кулаками. Но их было несколько, и его избili. Он пошел жаловаться на них Борру, прося наказать, а тот ему только сказал наставительно:

– Двое – смерть одному; голове враг – язык; под каждым плащом рука наготове. Зачем ты к ним полез один? Я не могу вмешиваться в разборки парнишек. И вообще будь мудрее: если над тобой смеются, смейся в ответ. Вот так.

Как потом узнал Лока, среди избивших его молодых людей был и Тор, сын Одина и внук Борра. Надо сказать, что Лока успел в свое время соблазнить его юную супругу Сив. Поговаривали даже, что первенец Сив Вали или Ульв был не от Тора, а от него, Локи. С другой стороны Лока знал, что с Сив до свадьбы сына переспал и сам Один. Из всего этого Локе стало понятно, почему Борр не захотел разбирать этого дела, хотя хорошо относился к сыну Шифы. Лока понял и в глубине души простил мудрого старика. Но именно с того разу Лока дал себе слово быть всегда хитрым и ловким. Как говорил Один:

«Надобно в дружбе верным быть другу, одарять за подарки;

Смехом на смех пристойно ответить и обманом на ложь.

Если другому поверил оплошно, добра ожидая, сладкою речью скрой злые мысли и лги, если лжет он.

Так же и с теми, в ком усомнишься, в ком видишь коварство, скрывай злые мысли, тем же отплачивай».

Отец встретил Локу довольно прохладно. Устроил ему для начала экзамен: что знает? чему хочет учиться? хороша ли память? И, видно, остался недоволен способностями первенца. Его любимым сыном к этому времени уже стал умница Ганеша – Золотая голова или, как тогда было принято говорить, – «Слоноголовый». Ганеша во время периода осенних охот ходил по племенам вместе с отцом и при заманивании быков распоряжался отрядами загонщиков гана (так они назывались у индов). Собственно, имя Ганеша и означало «Глава загонщиков».

Локу Шифа с собой так ни разу и не пригласил. Наверно, все свои секреты он намерен был передать этому поросенку, которого Лока мог и готов был пришибить одним щелчком.

– Ладно, – сказал себе Лока, – если отец не хочет, чтобы я следовал за ним, буду странствовать один. Пора повидать и мне белый свет, а то зря я зовусь Локой (Светом). Наберусь ума сам. «Знает лишь тот, кто много земель сам обошел и увидел». Заведу полезные знакомства. Разве не так стал великим вождем мой дядя Йима? Кстати, загляну и к нему.

Так он и пошел по миру – от племени к племени. Везде сына Шифы принимали хорошо. Женщины тоже были к нему не менее благосклонны, чем к Йиме. Были среди них и знахарки. Но память у Локи не была такой могучей, как у его дяди. Он никак не мог запомнить всего, что видел и слышал. Понимая это, он утешал себя одной из стихотворных притч Одина: «Следует мужу в меру быть умным, не мудрствуя много. Лучше живется тем людям, чьи знания не слишком обширны. Ибо редка радость в сердцах, если разум велик».

Но в то же время Лока чувствовал неискренность этого наставления своего друга. Один был страшно лукав. Советы давал кому-нибудь одни, а сам поступал противоположенным образом. Кстати, были у него и такие откровения:

«Нету в пути драгоценней ноши, чем мудрость житейская. Неладный совет часто найдешь у другого в груди.

Ум надобен тем, кто далеко идет, но умом пред людьми похваляться не надо, скрывать его стоит».

Все же не зря он ходил. Много повидал интересного. В одном месте в Хорасане встретил человека, который приручил коня и ездил на нем верхом. Вот ведь чудо! Арии называли коня «ат», а у асов «ат» значило лишь «конина». Некоторые ваны так и называли коня – «жаревец» (жарево).

В другом месте, в местности Парса, встретил людей, которые загнали стадо диких свиней в глухое ущелье, где росло множество дубов, и было много желудей. И вход забаррикадировали. Когда им нужна была еда, входили в ущелье и убивали одного кабана. Маток же с поросятами не трогали. Говорили, что в начале зимы забьют всех свиней сразу. К этому времени поросята должны были вырасти. Так что мяса будет много.

Все это и еще много другого Лока брал на заметку. Он был уверен, что это ему еще пригодится.

[Приручение коня, видимо и, в самом деле, произошло где-то в Иране, может быть, в Хорасане (по-английски конь называется horse) или в Парсе (по-голландски, конь – paard); у арабов всадник называется «фарис» (перс); у русских лошадь называется «кобыла» – от персидского «кавала» (конь); от «кавала» происходит и европейское «кавалерия»; в Исландии конина и в самом деле называется at – так же, как в Афганистане лошадь; в Парсе могли приручить и свинью, которая на многих европейских языках обозначается через фонему «порс», у русских – поросенок.].

– Ну, что ты лежишь пластом? – оторвал Локу от его мыслей Один; великий вождь асов (он стал им после смерти своего отца Борра) выглядел веселым. – Веди меня в гости.

– Куда это? – удивился Лока.

– Да к ней же, к своей Ангрбоде! Уверен, что ты сейчас думал о ней, Локи!

– Ну, ты, друг, всеведущ, как бог! – поразился тот.

– Кто знает, кто знает, – лукаво, ухмыляясь, пробормотал одноглазый ас. – Ну, так что же? Поведешь меня в Каменный Лес или нет? Думаю сводить меня туда в твоих же интересах.

– А в твоих интересах, видимо, пожрать хорошего мяса из запасов храма и побаловаться со жрицами?

– Может быть, может быть. Но ты ведь давно там не был. Твои сыновья уже совсем выросли, и их пора забрать из-под опеки женщины. Этим летом у нас не будет времени таскаться в ту сторону. Мы с тобой устранили сразу двух великих вождей, и надо не теряя времени показать тебя всюду как нового великого вождя Эран Веж или, как говорим мы асы, Мидгарда. Возьмем отряд самых быстроногих воинов и сделаем за два месяца круг до старого Эран Вежа и обратно. Потом отдохнем немного здесь у нашего озера и отправимся жениться. Это будет чуть за середину лета.

– Почему так рано? Мы же условились с Саккой на начало осени.

– Ну, скажем, что нам невтерпеж стало от любви. У меня есть план перебросить их до осени на озеро Лаль. Там самые лучшие места для загонной охоты: стада бродят откормленные, бесчисленные; пропасти кругом (и Сакка нам поможет как зазывательница); ледники рядом – в общем, рай божественный. Там и зазимуем. Только Тора пошлю с отрядом на запад, к горам Форс (Фироз-кох), чтобы нас там не забывали. А то сынок мой последнее время все на турсов повадился ходить. Выбирает кого-нибудь на вид покрепче, подстережет да из засады в него молот и метнет. Он его хорошо кидать наострил. Никогда не промахивается. По сути,

правильно делает, что самых крутых у турсов выбивает, которые могут против нас на бунт их поднять. Страх на них наводит. Но тут тоже меру надо знать. А он не знает....

...Как-то, представляешь, встретил его на переправе через озерный фиорд, куда Слид (Пяндж) впадает. Я заранее все лодки на свой берег перегнал, и сижу на берегу словно лодочник. Он меня издали не узнал и орет, чтобы я такой-сякой лодку ему подал. Я делаю вид, что тоже его не узнал, и ору-спрашиваю, что там за бродяга кричит через пролив. А он мне орет, чтобы я не спрашивал, потому что он якобы в стране врагов, а перевез бы его побыстрей. Я сажусь в лодку и подгребая поближе к нему, однако лицо закрываю и не своим голосом спрашиваю, где и с кем он враждовал. А он мне, понимаешь, гордо так декламирует: «На востоке я был, там истреблял я злобных жен турсов, в горы от страха предо мною бежавших; когда бы то не сделал, разросся бы род их, и в Мидгарде люди жить не смогли б». Тут я торможу лодку и говорю ему: «Вот дело позорное жен истреблять!». Тут он мне дополняет, что еще схватился на одной речке с детьми турса Сваранга. Они через поток кидали друг в дружку камни, и тем, мол, нечего кичиться – первыми мира запросили. И сразу же после этого представился, что он Тор, сын Одина. Ох, и бестолочь! Ну, я ему и ответил, что зовусь Харбардом и, что я вместе с Одином сражался в битвах против могучих ярлов-воинов; и мира из них никто не просил, и мы мира не давали; и что на счету у Одина убитые вражеские ярлы, а у Тора только наши рабы турсы. Ох, он и разозлился! Начал примериваться запустить в меня молотом, однако побожился, что такое хорошее оружие в проливе утопит. Тогда он начал орать и опять – вот смех! – стихами: «Отплату я тебе за обидные речи, пролив переплыв; громче волка ты будешь выть, коль ударю молотом мощным!». А я в тон ему отвечаю: «С любовником Сив повстречайся в доме, – важнее тебе свершить этот подвиг». И назад поворачиваю. А он вопит жалостно, что не знает, как ему с добычей (это он у кого-то вяленой рыбы с полмешка отнял) на свой берег перебраться; обещает поделиться. Я ему говорю: возьми, мол, влево, пройдешь миль с 20 до переката, а там через Слид по камешкам. Тут мы обменялись проклятиями, и каждый пошел своей дорогой.

Лока посмеялся над забавным рассказом Одина, а про себя подумал, что, может быть, это и хорошо, что его партнер не ладит со своим наследником. Вспомнилась и давняя обида на Тора.

– Ладно, пошли, брат, – сказал он, вставая. – Надо успеть туда и обратно, пока лёд в том самом заливе держит.

– Не беспокойся, брат, – ответил Один, – я приказал Тору, чтобы сразу, как только лёд сойдет, спустил на воду лодки.

– А он нас не отправит в обход к перекату, как ты его?

– Не посмеет, брат.

Взяв по мешку вяленого мяса, лыжи для себя, дротики и еще две пары детских лыж, приятели к вечеру добрались до переправы. Здесь развели костер и заночевали, рассчитывая переползти через пролив ранним утром, когда лёд еще немного подморозит.

Все прошло, как и рассчитывали. Перебрались и до вечера карабкались в гору, держась течения ручья. Здесь снег уже растаял, но почва была влажная и скользкая. Иногда приходилось идти и прямо по воде.

Наконец, выбрались по склону на отрог хребта. Здесь залезли в заросли стланика, разожгли костер и обсушились; поели, поспали часов пять и среди ночи двинулись дальше, благо на небе светила полная луна. На лыжах по насту до света сделали миль 15. Шли все время на север.

Остановились на отдых в месте, где их тропа скрещивались с другой, шедшей с востока от еще одной переправы через Пяндж. Здесь встретили одного дари, который шел по второй тропе. Спросили, как там река? Тот ответил, что начинает подниматься, по реке несет острые

ледышки. Он сам не рискнул перейти реку и теперь возвращается домой. Один, как всегда, не упустил случая и продекламировал: «Льетса с востока поток холодный, мечи он несет, – Слид ему имя».

Погода стояла солнечная. Путники пригрелись и решили поспать до ночи, пока мягкий и липкий днем снег опять не занастится. Но спали по очереди. Опасались этого дари. Один в шутку предложил Локе убить опасного соседа, чтобы можно было им спать вместе. Но тот дари, видно, понял их разговор, хотя они говорили на языке асов. Поднялся, надел свои плетеные снегоступы и, не прощаясь, ушел. Все равно спали по очереди. Дежурящий, чтобы не заснуть, ходил по дрова и жег костер.

Ночью они опять встали на лыжи и быстро заскользили на N-N-O вдоль хребта высотой более двух километров над уровнем моря. К утру они были уже на перевале, который вел в долину Каменного Леса. Здесь возвышался останец – огромный каменный пес, по имени Гарм. Считалось, что Гарм охраняет вход в священную долину, и друзья положили перед ним немного сушеного мяса – принесли жертву.

В пещерах Каменного Леса их никто не ждал. До сезона паломников было еще далеко. Ангрбоду они застали, когда она разучивала с Хель ритуалы, посвященные богам смерти. Девочка была в длинной меховой мантии, скрывавшей ступни, а лицо и руки были раскрашены с одной стороны в красный, а с другой стороны в синий цвет.

Увидев Локу Ангар-Бади, тотчас отослала Хель умываться, а сама пошла ему навстречу, чтобы приветствовать его по всем правилам как верховного вождя. Догадалась она и кто спутник Локи и приветствовала его так же. Один был очень удивлен ее осведомленностью о последних событиях.

Вскоре было собрано и угощение. За пиром договорились, что Лока заберет с собой обоих своих сыновей. Ангар-бади сказала, что и сама понимает, что их нельзя больше держать около себя.

В самый разгар пира в их пещеру вошла женщина с грудным ребенком на руках. Ангар-Бади извинилась и сказала, что ей необходимо немедленно осмотреть этого ребенка – не болен ли он – и тотчас перешла в другое помещение. Один не преминул высказать Локе предположение, что ребенок ее, и она собирается покормить его грудью. Лока не захотел обсуждать этот неприятный для него вопрос и только поморщился. Но предположение Одина показалось ему более обоснованным, когда Ангар-Бади отказалась вечером разделить с ним ложе под предлогом нездоровья, а прислала к нему на ночь, как и к Одину, одну из молодых жриц.

Утром начали готовиться к обратному пути. Жрицы, проливая слезы, одевали и снова передевали мальчиков и все никак не могли достаточно хорошо подогнать одежду и обувь. Ангар-Бади и Хель тоже рыдали. Кончилось все тем, что Один вмешался и потребовал уложить юных путешественников спать, чтобы к вечеру они набрались сил для ночной дороги. Сам же лично принялся подгонять лыжные крепления под обувь мальчуганов.

Лока же целый день просидел с Ангар-Бади, и она, наконец, призналась ему, что у нее есть другой мужчина, вождь соседнего племени дари.

– Извини, но я устала ждать тебя, – говорила она со спокойной улыбкой на лице. – Ты тоже не был верен мне одной. Я адити – свободная женщина, а не твоя жена. И мне уже много лет.

– Ну что ж, останемся друзьями? – улыбнулся в ответ Лока. – Я благодарен тебе за все, особенно, за сыновей.

– Будь уверен, я воспитала их в почтении к твоей особе, – заметила Ангар-Бади. – Тебе же я благодарна за дочь. Она очень способная девочка и будет мне сменой на должности главной жрицы Богини Рождения и Смерти. Вот только она почему-то больше любит ритуалы Смерти, чем ритуалы Жизни.

– Кто знает, может быть, это вскоре будет более актуально, – закончил разговор Лока; ему тоже надо было отдохнуть перед трудным путем и после бурно проведенной ночи с юной жрицей.

Встали около полуночи. Один лично осмотрел снаряжение пацанов, сам затянул все шнурки, дал в руки крепкие палки с ляжками, чтобы не потерялись в пути, и расщепленные на нижнем конце, чтобы не уходили глубоко в снег. Последние слезные прощания, и вот они заскользили по той же лыжне, по которой пришли сюда. Через час сделали остановку возле каменного Гарма. Опять принесли жертву. Один проверил снаряжение и остался доволен. Ребятам, видно, и раньше приходилось ходить на длинных лыжах; ни разу не упали и не запутались с палками. В гору шли, в точности повторяя движения своего отца, который шел первым, – то лесенкой, то елочкой.

Дальше пошло еще легче. Лыжня шла, в основном, под гору, и спуск был пологим (об этом Один все время заботился, пока они с Локой шли к Каменному Лесу). Через две ночи были у переправы.

Лед к этому времени здесь и в самом деле сошел. Река вздулась и катила воды чересчур быстро и бурно. Но на берегу их с челноком ожидали Вили и Ве, братья Одина. Как говорили у асов, все три брата были людьми «сильными к морю». Они не только провели челнок через реку, но и прошли вдоль ее берега до озера, а потом и по самому озеру по той чистой ото льда полосе воды, которая возникла между берегом и краем ледяного поля.

Наконец, челнок пристал к берегу, и все вышли на сушу в нескольких сотнях шагов от главного лагеря асов. Здесь Один высмотрел в толпе встречавших своего сына Тюра, помянул его к себе и поручил ему мальчиков.

4. Двойная свадьба

О том, что воспитанием сыновей Локи займется Тюр, было условлено заранее. Тюр не был таким же силачом, как Тор, но среди асов считался одним из самых искусных воинов, одинаково хорошо владеющим копьем, дротиком, луком и каменным молотом-топором. Умело обращался он в бою и с ножом, а если надо, способен был обороняться и нападать с голыми руками. Некоторые в шутку величали его богом войны.

Его имя действительно было похоже на имя бога Тира-Тиваца, того самого, что сидел на вершине горы Тирича-Меру. Но своим именем Тюр был обязан тому, что Один всегда поручал ему охрану малого входа в лагерь асов (двери), в то время как Тор отвечал за ворота (главный вход). [Tür – дверь; Tor – ворота]. Настоящее имя Тюра было Сиу (Сьяу), что значило Зоркий.

Коварства Тюр-Сиу не любил никакого, даже на войне. В отличие от Тора он никогда не унижал себя нападениями из засад или истреблением женщин. Тем не менее, он был очень дружен с Тором, что всех удивляло. Они часто ходили парой. Вследствие этого Лока, который взял за правило язвить по каждому поводу, притворившись пьяным, под видом дружеской шутки как-то назвал его Сив, намекая, что Тюр иногда заменяет Тору жену. Это вызвало бешеный смех присутствующих. Но Тюр ответил ему с достоинством, показывая, что готов смыть оскорбление кровью:

– «Муж неразумный на сборище людном молчал бы уж лучше; не распознать в человеке невежу, коль он не болтлив.

Доволен глумливый, коль, гостя обидев, удрать ухитрился; насмешник такой не знает, что нажил гневных врагов».

Лока, однако, тогда не захотел доводить дело до поединка, и сказал примирительно, делая вид, что просто оговорился:

– «Люди друзьями слывут, но порой на пиру пустят друг в дружку колкое слово подчас и без умысла.

Меньше от пива пользы бывает, чем думают многие; чем больше ты пьешь, тем меньше покорен твой разум тебе».

Благоразумный Тюр счел, что этого достаточно для извинения. Ведь пьяный Лока и в самом деле мог оговориться.

Но и в самом деле, Тюра и Тора свело вместе не только то, что у них был общий отец. Детей у Одина было много. И не только родных, но и приемных. Среди его родных детей было немало полукровок, а среди приемных были и полные инородцы. Но он относился ко всем на удивление одинаково: был в меру добр, в меру строг и в меру насмешлив. Дети, как правило, отвечали Одину взаимностью, но между собой были дружны далеко не всегда.

Помня, что сам он, великий вождь асов, ас только наполовину, Один никогда открыто не поощрял каких-то явных проявлений высокомерия со стороны асов по отношению к ванам, эрана, индам или турсам. И все же он исповедовал сам и внушал другим идею исключительности асов, их превосходства над всеми. Он признавал, что и среди других народов могут появляться достойные люди, настоящие герои и мудрецы. Однако из этого у него следовало лишь то, что таких людей необходимо привлекать на свою сторону – «делать асами», а если этого не удастся, то уничтожать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.